

УДК 811.161.1–25

ДРУЖЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ В ПАРАДИГМЕ ОБЫДЕННОГО ОБЩЕНИЯ

А.Н. Байкулова

Саратовский государственный университет
E-mail: allabay15@mail.ru

Статья посвящена исследованию дружеского общения, которое сопоставляется с другими разновидностями обыденного общения: семейным родственным, общением знакомых и незнакомых людей.

Ключевые слова: разговорная речь, дружеское общение, русский язык, именованья, дружба, речевая игра.

Communication of Friends Within the Paradigm of Everyday Communication

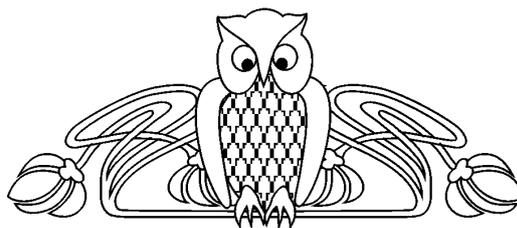
A.N. Baikulova

The article deals with the research of friendly communications, which is compared to other varieties of everyday communication: communication of family members, relatives, acquaintances and strangers.

Key words: informal speech, communication of friends, Russian language, nominations, friendship, speech game.

Обыденное общение (ОО) при кажущемся его однообразии разнородно. В предыдущих исследованиях были выделены такие его разновидности, как семейное общение (СО), общение родственников (ОР), дружеское общение (ДО), можно было бы добавить общение знакомых и незнакомых людей¹. Каждая из разновидностей выделяется на основе определённых параметров (доминанта, коммуниканты, цель, время, место общения, речевые особенности и т.д.) и может быть представлена в виде ядерной зоны, где специфические черты проявляются наиболее ярко, периферийных зон, где они стираются, границы «размываются», и зон наложений. Так, например, диапазон ДО чрезвычайно широк. По мнению социологов, в благополучном браке семейное общение – это и есть дружеское общение²; дружеским может именоваться даже общение незнакомых людей, вступающих в контакт посредством Интернета. Такие мнения не безосновательны. Действительно, взаимная привязанность коммуникантов, ощущение психологической поддержки, взаимопомощи, искренности – вот, на наш взгляд, то, что по психологическим параметрам сближает СО и ДО. В интернет-общении незнакомых людей сильна установка на открытость, доверительность и возможность перехода к истинно дружеским отношениям: это особенно важно для современного человека, который, очевидно, испытывает острую потребность именно в таком общении.

Феномен дружбы активно изучается в настоящее время социологией, философией,

этнографией и другими науками. Однако, по мнению некоторых исследователей, даже эти науки уделяют ему недостаточное внимание. Так, И. Шмерлина³ ссылается на авторитетный социологический словарь⁴, где сказано, что дружба исследована крайне незначительно. Кроме того, автор цитирует И.С. Кона⁵, который говорит о скептическом отношении учёных к его программе междисциплинарного изучения дружбы на первом Всесоюзном симпозиуме по проблемам общения в 1970 г. и упреке со стороны некоторых из них за его отход от настоящей науки.

Лингвистика обращалась к речевым фактам дружеского дискурса в основном в рамках изучения разговорной речи (РР), однако специального разнопланового исследования этой разновидности ОО пока не было. Поэтому мы ставим перед собой задачу привлечь внимание исследователей к данной теме и сделать первые шаги в этом направлении.

Начнём с того, что ДО в его ядерной зоне – это всё-таки не СО и не ОР уже потому, что коммуниканты не связаны кровнородственными отношениями: не члены одной семьи и не родственники (в предыдущих работах для удобства мы «развели» эти понятия). Это важно, поскольку именно язык и речь выполняют, с одной стороны (если смотреть внутрь), интегрирующую функцию, объединяя членов разных социальных групп, а с другой (взгляд изнутри) – идентифицирующую или дифференцирующую функцию, разделяя социальные группы. Поэтому, принимая во внимание существующие определения дружбы с позиций социальных наук⁶, мы, тем не менее, для лингвистических исследований предлагаем рабочее определение ДО как общение людей, обоюдно воспринимающих себя друзьями.

Общая характеристика ДО. Сопоставление ДО с СО и ОР показывает, что это, пожалуй, самая свободная разновидность ОО, где межличностные отношения строятся не на родстве, а на дружбе и являются индивидуально-избирательными. Дружба в наибольшей степени отражает волеизъявление человека, формально не регламентируемое государством, хотя всем известны исторические примеры, когда дружба с тем или иным человеком могла быть поводом для репрессий со стороны государственных органов. В дружеских отношениях прежде всего действуют законы морали и неписанные законы – «кодекс чести». Человек во-

лен не только самостоятельно «выбирать» друзей, но и расторгать дружеские связи, нередко вопреки мнению самых близких людей, то есть это сфера полной эмоциональной и духовной свободы человека. ДО, как и ОР, – общение, по И.А. Стернину⁷, инициативное, в отличие от СО. По своему характеру ДО может быть как регулярным, так и нерегулярным. Возможна временная и локальная закреплённость, существование традиций (вспомним героев известного кинофильма, друзей, которые каждый год 31 декабря ходят в баню).

Цели и функции ДО. Для СО и ОР характерно взаимопроникновение целеориентированного и фатического общения. Это определяется их направленностью и целями. Так, целью СО (имея в виду традиционные представления) являются ведение совместного хозяйства, воспитание детей и созидание микроклимата, способствующего успешной реализации этого; цель ОР – сохранение и развитие родственных связей, родственных отношений. Главной целью ДО, какие бы мотивации ни лежали в его основе, на наш взгляд, является удовлетворение потребности человека в дополнительной духовной и социальной опоре (во всяком случае, это характерно для русской коммуникативной культуры), т.е. восполнение того, что по разным причинам не могут дать человеку семья, ближайшее окружение или вообще среда, в которой он живет. Отсюда доминантные черты, характерные для этой разновидности общения, – открытость и доверительность в отношениях, стремление к взаимопониманию и взаимопомощи. Важно, чтобы общение носило взаимодополняющий, взаимообогащающий характер. Одним из самых важных конституирующих параметров дружбы является взаимный интерес: общение должно быть интересным⁸. В связи с этим, на наш взгляд, ДО свойственна и гедоническая функция.

Коммуниканты ДО. Поскольку способность к дружбе заложена в самой природе человека (причём, по мнению социологов, не только человека, но и животных) и в социальной жизни общества, то состоят, состояли когда-либо или хотят состоять в дружеских отношениях фактически все люди. На возникновение дружеских отношений влияют не только эмоционально-психологические факторы, например взаимная симпатия, но и факторы единой ценностной ориентации, факторы возраста, пола, образования, профессии, места проживания и др. Поэтому можно рассматривать ДО людей разных возрастов, разной половой принадлежности, разных социальных групп, кроме того, это может быть межличностное или групповое общение. Важно учитывать и фактор самоидентификации: считают ли себя друзьями сами коммуниканты.

Для ДО, как и для СО и ОР, характерно наличие общей апперцепционной базы говорящих. Но все эти разновидности ОО основываются на разных (пусть даже частично совпадающих) апперцепционных базах. Общность апперцепционной базы коммуникантов является основой для фор-

мирования речевой гомогенности. В наибольшей степени речевая гомогенность свойственна СО вследствие его интимности, «закрытости» и регулярности⁹. Для ДО это свойство, на наш взгляд, не является обязательным: речевая гомогенность может проявляться ярко (иногда друзья создают свой «язык»), а может почти отсутствовать, если, например, друзья живут в разных городах, годами не видятся, обмениваются письменными сообщениями. В этом смысле ДО ближе к ОР.

ДО не свойственно иерархическое неравенство, без которого невозможно представить СО, но активно проявляется неравенство в уровне компетенции, что является основой для взаимопомощи. Это также сближает ДО с ОР.

В СО мы включили общение в семье с животными, растениями и предметами вещного мира¹⁰. В ДО, на наш взгляд, также можно включить такого рода общение, но оно имеет свою специфику, обусловленную особенностями именно этой разновидности общения. Примеры ДО с животными и растениями мы находим во многих произведениях художественной литературы, кинофильмах, образно отражающих реальную действительность. С предметами вещного мира также возможно взаимодействие, напоминающее дружеский контакт. Приведём цитату из дипломной работы студентки 5 курса Института филологии и журналистики СГУ О.А. Петяевой, посвященной анализу дневниковых записей: «Дневник – близкий друг школьницы, живое существо, с которым нужно общаться ежедневно, обязательно прощаться, объяснять, почему не смогла открыть тетрадь в какой-то день. Такое трепетное отношение к дневнику говорит о внутреннем одиночестве девушки в жизни, отсутствии друзей, с которыми можно было бы поделиться самым сокровенным, об ответственности и ответственности автора, проявляющихся даже в подходе к ведению тетради»¹¹. Причём даже письменная форма дневниковых записей отражает состояние речевой «расслабленности»: как замечает дипломница, в этот момент автор не следит за правописанием, часто нарушает языковые нормы.

Всем известны попытки изобрести механических друзей-роботов в разном обличье с целью оказания помощи одиноким людям, испытывающим недостаток человеческого общения. Возможно, создателям таких моделей вскоре могут потребоваться знания об особенностях ДО.

В качестве иллюстрации ДО предлагаем анализ записанной и расшифрованной нами 45-минутной диктофонной записи, сделанной без включённого наблюдения по просьбе автора скрытым диктофоном, но с последующим прослушиванием и разрешением на использование в научных целях. Запись произведена в 2009 году на одной из волжских турбаз. Это традиционное место встречи друзей. Коммуниканты – мужчины (условно обозначим их Ю., Викт., Влад., Р.), возраст – от 52 до 69 лет. Дружат более 20 лет, все считают

себя друзьями, поэтому данный дискурс можно отнести к ядерной зоне ДО. Дружба Ю., Викт. и Влад. возникла на профессиональной основе: все бывшие военнослужащие, работали на одной военной кафедре вуза. Сблизили друзей увлечения – охота и рыбалка (причем по-настоящему увлекался один, а к нему присоединились остальные). Дружба их с Р. – гражданским преподавателем того же вуза – возникла на основе этих увлечений.

Для общения этой группы людей характерны доверительность, откровенность, открытость, все многое знают о семьях друг друга, родственниках, знакомых, поэтому тема семейной жизни нередко возникает в их ДО: Ю. *У меня дочка / жирное не ест ниче (ничего) // Да и вообще мясо не особо // А сало любит // Но чтоб очень тоненько было порезано // Все зачёты сдали и три экзамена автоматом // оба экзамена всего осталось // Молодец //* Информация личного, интимного характера – это одна из составляющих апперцепционной базы друзей, которая может совпадать с апперцепционной базой членов их семей и родственников. Другая составляющая связана с профессией и увлечением: Викт. *В прошлый раз / когда я был... (неразборчиво, далее – нрзбр) С того раза... (нрзбр). – Ю. А в прошлый раз уже... (всем понятно, когда это в прошлый раз); Ю. А то я в этих Бузулуках (в г. Бузулуке Оренбургской области, где Ю. был в командировке) ... совсем отвык (имеет в виду пить водку) //; Мне жарко // Я плююсь ... на кошку (небольшой якорь для поиска сети под водой) // Тока (только) сделали с Витькой кошку / уже искать надо // Не знаю / где она // Я уже всё облазил // Всё облазил // Боря (охранник) мог взять и положить к себе в бендешку (кладовку) //; Ю. Так / я вот думаю эту корейку мы лучше на лед (т.е. когда будут рыбачить на льду) оставим //.*

Эллиптизация синтаксических конструкций в этих и других фрагментах записи не ограничена; использованная синекдоха в Бузулуках, жаргонная лексика *кошка*, *бендешка*, номинации лица *Боря*, с *Витькой* не вызывают вопросов, непонимания коммуникантов вследствие общности их апперцепционной базы и ситуативной обусловленности речи. Общность апперцепционной базы является здесь основой для возникновения речевой гомогенности группы.

Встреча друзей, в процессе которой происходит коммуникация, специально организована ими, общение носит ритуальный характер, имеет конкретную цель – совместное празднование Нового года (после традиционного семейного праздника) и рыбалка. Причём главное для них, по их же высказываниям, – сама атмосфера встречи: дружеское общение для этих людей имеет особую ценность и представляет особый интерес.

Этот интерес поддерживают сами коммуниканты: сильна установка на юмор. В нашей записи, например, это беседа с включенными элементами пародии, смешные рассказы о восприятии недублированных фильмов, о театральных

спектаклях на чужом языке: Влад. *У этих одесситов... это... пародию по телевизору видел там Штирлиц гт (говорит) / наподобие «Ликвидации» (телевизионный сериал) / так как они разговаривают там / ну там / Штирлиц с этим / Гитлер и этот... Мюллер / Ну <...> // Я не передам / как они там разговаривали // Но это блин (смеётся)... А вас Штирлиц / попрошу остаться // А это мн [э] надо? (смеётся) А это гт (говорит) мне надо? – Викт. Я рассказывал / как я видел на туркменском языке «Семнадцать мгновений весны»? – Ю. Я...я видел // не на туркменском / на немецком я видел // Хайль! Цурюк! басмачи кричат // – Викт. Хайль? Цурюк? – Ю. Угу // – Викт. А это... Ассалам алейкум / джигит... Борман // Воалейкум Ассалам / Мюллер-ака // (смех). – Влад. А я на татарском смотрел / этот... как его <...>; Влад. А у нас всё / А у нас всё шутили // У нас тоже на первом / на втором курсе / таскали по этим / по театрам по всяким // Особенно на первом // И повезли / повели нас на / балет блин // В этот театр татарский // Ну он оперы и балета в общем // Ну театр-то хороший // Балет «Шурале» // Это татарского автора балет // Кстати / спектакль неплохой // Но мы смеялись блин / <...> туда идти? На татарском языке блин / балет (смеётся) // Эти рассказы, по свидетельству самих коммуникантов, они слышали друг от друга неоднократно. Не случайна реплика Викт. – Я рассказывал / как я видел на туркменском языке «Семнадцать мгновений весны»? Казалось бы, интерес к ним должен быть утерян. И действительно, в записи смех как наиболее сильная реакция на шутку сопровождается подчас речь только самого говорящего; другие участники разговора, очевидно, реагировали на уже известные рассказы в меньшей степени. Для того чтобы усилить эффект собственной речи, коммуниканты зачастую прибегают к разговорной, просторечной и жаргонной лексике: Викт. – на халяву, закусь, подсунь (подай); Влад. – уссышься (обсмеешься), таскали (водили) по театрам; Ю. – дурилка, макаки (самодельные снегоходы на базе мотоцикла), мамашка, щёлкну (сфотографирую) и др. Лексикон Р. явно свидетельствует о просторечном типе речевой культуры: *ихский* (их), *гольная*, *окуляры* (очки), *очуметь*; заметна склонность к использованию мата. Мат в данной группе – один из показателей её речевой гомогенности. Однако функции его неодинаковы. Для Р. подобного рода лексика привычна, часто она используется без всякой экспрессии. В речи Влад. и Викт. мат – одно из экспрессивных средств, своеобразный приём создания смешного, языковая «перчинка», превращающая разговор в балагурство. Наиболее распространённые лексические единицы мата модифицируются с помощью различных суффиксов, изменяется их частеречная принадлежность. В речи Ю. таких единиц немного, они используются в качестве выражения речевой агрессии. Следует отметить, что такая степень речевой свободы, речевая «расслабленность» говорящих возника-*

ет именно в ситуации ДО в мужской компании. В других сферах общения эти люди стараются мат не использовать. Очевидно, ДО в силу его относительной закрытости, избирательности (общение не для всех), установки на взаимопонимание в наивысшей степени даёт ощущение речевой свободы и возможность реализовать её, причём чем ближе дружеские связи, тем больше этой свободы. Здесь, на наш взгляд, уместно было бы цитировать Г.О. Винокура: «От чего зависит направление стилистических инстинктов? От цели, преследуемой тем или иным высказыванием. От того, какое впечатление хотим мы произвести на говорящего, какой оттенок мысли хотим ему внушить в каждом данном случае, в целом – от того задания, которое является определяющим для данного речевого акта. Иными словами, стилистика в нашем понимании строится на понимании внутренней грамматической дилектики, игнорирование которой и составляет всегда основную ошибку традиционного пуризма»¹².

Речевая свобода может проявляться не только в выборе лексических средств, но и в тематике общения, в различных видах языковой игры. В данном дискурсе, например, можно наблюдать намеренные фонетические искажения слов: Ю. Ну давайте поднимем б [о] калы //; Викт. А С[э]м[э]н С[э]м[э]н-то приходил к жене это... Ели вяленый арбуз // – Ю. Какой С[э]м[э]н?; Будем здравы! В этом плане интересны письменные высказывания В., женщины 50 лет (ДО посредством Интернета), для которой языковая игра – «лакмусовая бумажка» при определении своих и чужих: В. Приходя к чужим, ловлю себя на том, что устраиваю им тест на адекватность, используя слова с переставленными буквами или менЭрничая, что-то вроде мурчина, луроны, зоотЭхник, и если кто-то «ловит» – это наш, если же на меня смотрят, как на безграмотную, я сразу становлюсь скучной, человек мне не интересен. Наверное, это не есть хорошо?

Язык мой – порой враг мой! К сожалению, не всегда народ адекватно реагирует, уж очень я люблю всякие казусы, пересмешки, а люди странно реагируют, то ли тупят, то ли реально не понимают, и получается, что выгляжу я глупо, такая неграмошная тётка, а ещё имеет высшее языковое образование, ужас! Мои сотрудницы на меня ругаются, что и дома говорят так, как на работе, путают детей, путаются сами (орфография и пунктуация сохранены). Фактически В. ставит вопрос об отношении людей к языковой игре. Для неё языковая игра – неотъемлемое свойство речи, которое, с одной стороны, вносит в общение разнообразие, а с другой, является «тестом» на понимание и возможность дружеских отношений. Однако реакция окружения говорит о том, что люди, обладая разной коммуникативной компетенцией, не всегда это принимают. Кроме того, сотрудницы В. высказываются о нежелатель-

ности такого речетворчества в СО: путают детей и путаются сами. Очевидно, важно понимание уместности языковой игры в разных ситуациях общения и разных типах общения. Умение строить свою речь, осуществляя выбор языковых средств на основе принципа целесообразности, – важная составляющая коммуникативной компетенции личности. На наш взгляд, ДО – наиболее благоприятное поле для языковой игры.

Если говорить о тематике ДО, то, с точки зрения разнообразия тем, ограничений, по всей вероятности, нет, как, впрочем, и в других видах ОО, но важна избирательность тем в соответствии с ситуацией общения, социальными характеристиками коммуникантов. В анализируемом фрагменте дружеского дискурса затрагиваются следующие темы: в рамках целеориентированного общения – бытовая тематика, отраженная в речевых актах, обслуживающих действия в процессе подготовки к трапезе (Ю. Так // Щас яйца наверно никто не будет... Так / мусор вот сюда // Так... Вот хлеб // – Викт. Сало отрежь // – Ю. Сало?... Ложки есть под салат / а вилки есть?); в рамках фатического общения, когда подготовительная работа проведена, все участники общения собрались за столом, – разговоры о пропавшей кошке (приспособлении для поиска сети под водой), пельменях, водке, празднике, возрасте Р., о технике, о насущных делах; спор об употреблении слова вяленый, перешедший в воспоминания о фильме и спектаклях на чужих языках. В ходе подготовки к трапезе осуществлялись попытки «запустить» темы семьи и работы, однако они не были поддержаны. Возможно, из-за несвоевременности, поскольку главная неречевая цель – накрыть стол – определила и главную речевую цель – сопровождение действий. Кроме того, возможно влияние самого фактора ДО: люди намеренно отделились от семейной сферы и рабочей обстановки и отдают предпочтение другой тематике.

Важно отметить, что и СО, и ОР, и ДО содержат свои тайны, свою «кладовую» интимного. Сохранение семейных тайн предписывается традициями: «Не выноси сор из избы», сохранение дружеских тайн – одна из заповедей «кодекса» дружбы. Культура дружеского общения предполагает соблюдение этого «кодекса», в противном случае возможен разрыв отношений и даже вражда.

Речь коммуникантов несет информацию о распределении обязанностей в группе, кроме того, в сфере дружеского общения исполняются различные коммуникативные роли. Так, Ю. выполняет роль организатора: Ю. У Витьки... или вон там вон вода есть на улице // Возьми тряпочку какую-нибудь // Найдёшь // Так / ножик дай? / я порежу // Ножик дай? // Тряпочки нет что ль? Найдёшь? иль дать тебе?... Слушай / Витьк / А у тебя ножа нету? – Викт. Не знаю куда-то делся // – Ю. Глоток? Хороший? – Викт. У... – Ю. Да зря ты в тарелку (выложил соленья из банки

в тарелку) // – Викт. *Ну доставать-то мы как будем? Щас (сейчас) будем... не всё сразу* // (нрзбр) – Ю. *Никто не откажется (от солений) / я знаю* // – Ю. *Так / я вот думаю эту корейку мы лучше на лёд оставим // Или немножко порежем? Колбаса есть? Посмотри у Вовки... Посмотри у Вовки // Вот пакет // Это наш? Ну вон Вовкина сумка // Вон пятнистая // По-моему у него тоже пакет был?.. Так / эт (это) мы оставим на лёд... Где ж ты ножик-т свой... посеял? Хороший нож* // Эта роль имеет свое воплощение прежде всего в речевой активности, в использовании Ю. императивных конструкций (часто с инициальным так и повторами императивов): *Возьми тряпочку; Иди сполосни; Так / ножик дай?; посмотри у Вовки; Садись // Садись //; Присаживайся вот сюда / и др.* Часты замечания, граничащие с выговором, упрёки, инструкции: Ю. *Ну чё ты дверь-то открытой держишь? Не май месяц //; А ты чё разделся?; Где ж ты ножик-т свой... посеял? Хороший нож* //; *Так / я вот думаю эту корейку мы лучше на лёд оставим // <...> Так / эт мы оставим на лёд* // Самоутверждение, лидерство заметно в использовании личного местоимения я с глаголами действия, речи, мысли (*я порежу, я вот думаю, я даже уверен, я знаю*). Возможна речевая агрессия с использованием мата: Ю. (во время фотосъемки) *Ни х-ра ты не сделал блин // На / сделай ещё раз // На на половину нажми / подожди когда он захватит // Слишком / освещенность большая // – Р. Только без бутылки // б-дь / вот только // – Ю. Не ругайся / нехорошими словами //*

Ю., послушав запись собственной речи, сделал вывод о своём неправильном речевом поведении. Тем не менее, такое поведение не привело к конфликту, причём, на наш взгляд, только потому, что осуществлялось речевое взаимодействие в рамках ДО, где уже имелось разделение ролей и произошла психологическая «притирка» коммуникантов: все знают не только особенности характера друг друга, но и особенности речи, вследствие чего многое прощается. К тому же в речевом поведении Ю. заметна установка на кооперативное общение: он не только руководит, но и старается многое сделать сам (*Найдёшь? иль дать тебе?; Эту корейку мы лучше на лёд оставим // Или немножко порежем?* и др. Косвенные просьбы (см. предыдущие примеры), вопросительные конструкции, частотное *мы* наряду с я смягчают требования.

Каждый в дружеской компании занимает свою нишу как в деле, так и в речи. Например, только Викт. занимается разведением костра, а Р. – прекрасный рассказчик. По мнению самих участников записи, плохо, когда человек не находит этой ниши, не умеет влиться в коллектив и занять в нём определённое место.

Наблюдения за лексиконом друзей позволяют сделать выводы о специфике системы именований, которая отличается от семейной и родственной¹³, хотя отдельные лексемы совпадают. Наша

запись (а также материалы наблюдений и опроса) показывает, что друзья именуют себя (или обращаются друг к другу) в основном пейоративными формами имён: *Юрка (Юр), Витька (Витьк), Вовка (Вовк), Валерка (Валер)*, иногда – краткими *Юра, Володь* (никогда *Володя*), *Вова* (именует Ю., причём для него это речевая игра, сопровождающаяся особым произношением звука [в] как [w]). Нередки именованные на основе отчества (*Дмитрич, Леонидыч, Петрович*), а вот другие, экспрессивные прозвища: *Швондер, Угрюмый, Толстый* – есть, но употребляются редко, причём либо «за глаза», либо вообще про себя, как отмечают сами информанты. В нашей записи таких прозвищ нет. По всей вероятности, это связано с возрастом коммуникантов.

Сделанная запись представляется нам чрезвычайно удачной, поскольку она позволяет сопоставить дружеское общение с другими видами общения, в частности с общением знакомых (ОЗ) и общением незнакомых людей (ОН). Дело в том, что общение друзей было нарушено приходом А. (мужчины 37 лет), знакомого Р. С другими коммуникантами до момента записи А. не был знаком. И сразу мы видим реализацию разных коммуникативных намерений. Цель общения знакомых, А. и Р., вполне конкретная: договориться насчёт стоянки автомобиля, т.е. в основном реализуется целеориентированное общение. В общении незнакомых (А., Ю., Викт. и Влад.) проявляются разные коммуникативные стратегии: одни стремятся к установлению контакта (А. и Ю.), а другие не стремятся (Викт. и Влад.). Интересно само начало общения: (стук в дверь, заходит А., знакомый только Р.) Р. *Да // – А. Можно что ль к вам? – Р. О... – Ю. Заходи // – А. Здравствуйте // – Р. Д...ов (очевидно, назвал фамилию) С Новым годом! – А. С Новым годом! – Р. Присаживайся дорогой // – Ю. (представляется) Юра // – А. (представляется) Алексей // – Р. Двери / двери / (просит, чтобы закрыли двери) Это наш / наш... – Ю. Так / знаешь чё / Лёш / бери вон... (предлагает выпить) – Викт. Не-не-не-не / подвинемся // – А. Да я не буду! Я за рулем //* Обратим внимание на следующее: представился только Ю. (возможно, остальные ограничились рукопожатием); Р. ввёл установку на характер общения с А., включив его в круг своих, – *Присаживайся / дорогой //; Это наш / наш... –* после чего Ю. выбрал приемлемую для своих форму обращения на ты и именование *Лёш*, а в дальнейшем *Лёх*, хотя А. представился *Алексей*; другие участники разговора, исключая Р., вообще никак не обращаются к А. А. не поддержал форму представления *Юра* (Ю. намного старше его). Кстати, такое представление, полным паспортным именем, особенно для определённой группы имён (*Владимир, Дмитрий, Алексей, Александр, Михаил, Евгений, Мария, Ольга, Виктория, Валерия* и др.), в молодёжной среде – отражение, как нам кажется, современной тенденции представления и вообще

именования лица не только в официальной, но и в неофициальной обстановке. На наш взгляд, полную форму имени при представлении можно считать маркером современного молодёжного общения (в разные исторические периоды и в разных социальных средах эти маркеры неодинаковы), но это только предположение, которое ещё предстоит доказать или опровергнуть. Во всяком случае, в нашем материале есть факты неоднократного представления молодой семейной пары незнакомым людям полными именами – *Алексей, Виктория*, факты взаимноименования молодых людей в телефонных разговорах – *Здравствуйте // А Михаила я могу услышать?* Эту тенденцию отметил и М. Кронгауз¹⁴. В то же время в среде более молодых, в среде подростков распространены именования *Вован, Диман, Лёха* и др.¹⁵. А. на протяжении разговора лишь однажды обратился к Ю. по имени, используя краткую форму (*Я Юр говорю...*), что свидетельствует об успешном установлении коммуникативного контакта именно с этим членом группы незнакомых ему людей. В основном же речь А. адресована всем присутствующим (используются глагольные формы множественного числа): *Ну вы выйдите посмотрите на машину; Вы / без очков кто-нибудь видит?; Идите посмотрите //; Я щас расскажу / если не торопитесь никуда // Налили бы / я бы быстрее рассказывал //*.

В продолжение разговора в речи Р. неоднократно возникают характеристики А., содержащие положительную оценку. Кроме *Это наши / наши...* в записи встретилось *Он молодец // Он Кулибин блин //; Неисправимый механик // Он всю жизнь чё-то делает // Ну молодец он!* Это характерно для ОН при посредниках. Однако, несмотря на формальное введение А. в круг своих, дружеская коммуникация всё-таки разрушается: далее в разговоре участвуют в основном Р., А. и Ю., который взял на себя роль гостеприимного хозяина. Остальные участники общения (Влад. и Викт.), которые до этого вели оживлённый разговор, переключились, по всей вероятности, на иной код – общение с незнакомым человеком: в течение почти 32 минут записи (вплоть до ухода А.) единичные, очень короткие, часто односложные реплики или коммуникативы, причём адресованные чаще всего не А., а Ю. и Р.: *Ну конечно / да; Да; Валентино-мафиози; Нормальный; Нормально; Я только ещё не...; Нет / фотоаппарат блин //* и др. Можно предположить, поскольку автор статьи не участвовал в записи, что основной была невербальная реакция на разговор Р., А. и Ю. Это говорит о том, что тип отношений коммуникантов влияет на характер воздействия слушающих на говорящих и говорящих на слушающих. Поскольку А. зашёл по делу, изменилась и тематика общения: появились темы, которые касаются только А. и Р. (о переговорах насчёт стоянки для автомобиля А., охранниках, начальстве, общих знакомых). Вместе с тем А. тоже пытается переключиться на код ДО,

иницируя темы, интересные всем: охота, рыбалка, самодельный автомобиль. Но даже несмотря на это, активность в разговоре проявляют только А., Р. и Ю. – остальные сохраняют коммуникативную дистанцию. Всё-таки ДО – это закрытый союз, в который нет доступа посторонним, и каждый вторгающийся в этот союз в той или иной мере разрушает эмоциональный комфорт, эмоциональную раскрепощённость, являющуюся одним из определяющих параметров дружбы.

Наблюдения показывают, что в данном дискурсе очень заметны границы разнородного общения.

Анализ одной записи в представленной работе не позволяет делать окончательные выводы. В дальнейшем важно сопоставить ДО представителей разных социальных групп (мужчин и женщин, взрослых и детей), разных профессий, проанализировать факты дружеского взаимодействия человека с животными, растениями и, возможно, предметами вещного мира. А пока мы пытались выстроить парадигму обыденного общения и таким образом доказать, что обыденное общение и РР неоднородны. Сделанные выводы, безусловно, носят дискуссионный характер, но, на наш взгляд, представленные наблюдения могут раздвинуть горизонт для дальнейших исследований и расширить представления о нашем обыденном общении.

Примечания

- 1 О разновидностях обыденного общения см.: *Байкулова А.Н.* Общее и специфическое в речевом общении разных семей // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28; *Она же.* Речевое общение в семье: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006; *Она же.* Разновидности обыденного общения (семейное общение и общение родственников) // Личность – язык – культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 ноября 2007. Саратов, 2008.
- 2 См.: Энциклопедия семьи 2008. URL: vospitanie.detej.ru (дата обращения: 12.02.2010).
- 3 См.: *Шмерлина И.* Дружба как духовная и социальная реальность // Социальная реальность. 2006. № 5.
- 4 См.: Социологический словарь / Н. Аберкромби [и др.]: пер. с англ. М., 1999.
- 5 См.: *Кон И.С.* Дружба: Этико-психологический очерк. 3-е изд. М., 1989.
- 6 См., например: Социальная психология: словарь // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. М., 2006.
- 7 См.: *Стернин И.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- 8 О конституирующих параметрах дружбы см.: *Шмерлина И.* Указ. соч.
- 9 О речевой гомогенности семейного общения см.: *Занадворова А.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Занадворова А., Какорина Е., Китай-

городская М., Крысин Л. и др. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003; Байкулова А. Речевое общение в семье: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

¹⁰ О речевом взаимодействии с животными, растениями и предметами вещного мира в семье см.: Байкулова А. Речевое общение в семье: роль в нем животных, растений и предметов вещного мира // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2008. Т. 8. Вып. 2.

¹¹ Петяева О. Языковая картина мира автора дневника: диплом. работа. 2007. (Архив дипломных работ кафедры русского языка и речевой коммуникации).

¹² См.: Винокур Г. Культура языка. 3-е изд., доп. М., 2006. С. 112–113.

¹³ О системе именовании в семейном и родственном общении см.: Байкулова А. Разновидности обыденного общения (семейное общение и общение родственников) // Личность – язык – культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 нояб. 2007. Саратов, 2008.

¹⁴ См.: Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.

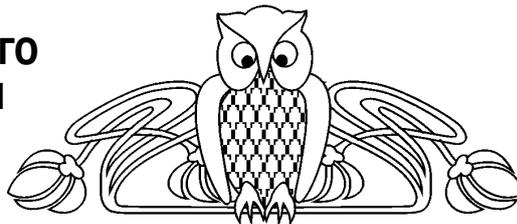
¹⁵ См.: Лудильщикова Н. Речь молодежи (на материале речи студентов техникума): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

УДК 811.161.1'38

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АДВЕРБИАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В РАЗНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ

А.В. Дегальцева

Саратовский государственный университет
E-mail: deganna@mail.ru

В статье рассматриваются особенности морфологизованного и неморфологизованного способов выражения адвербиального признака в художественной речи, газете и разговорной речи.

Ключевые слова: семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, морфологизованный и неморфологизованный способы выражения адвербиального признака.

Adverbial Characteristic Means of Expression in Different Fields of Communication

A.V. Degaltseva

The article examines some characteristics of typical and atypical means of expression of adverbial characteristic in modern fiction, press and colloquial speech.

Key words: semantic complication of simple sentence, adverbialisation, typical and atypical means of expression of adverbial characteristic.

Одним из семантико-синтаксических процессов, в результате которого происходит семантическое усложнение простого предложения, является процесс адвербиализации. Суть его заключается в том, что лексема, выражающая адвербиальный признак (наречие или функционально замещающая его словоформа), грамматически связана с глаголом-предикатом, тогда как семантически соотносится с субъектом или со всей ситуацией. В данной статье мы рассмотрим морфологизованный и неморфологизованный способы адвербиализации.

В языке, как известно, каждая часть речи выполняет специфическую, характерную для нее синтаксическую функцию. Еще Р.И. Аванесов отмечал, что морфологическая категория, выделившись в качестве определенного члена предложения, представляет собой специфический способ

выражения этого члена предложения (например, именительный падеж существительного – морфологизованное подлежащее, предикативные формы глагола – сказуемое, наречие и деепричастие – обстоятельство и т. д.). В то же время слово в зависимости от его грамматического и семантического значения и окружающего контекста может выполнять не свойственную ему синтаксическую функцию, то есть каждый член предложения может быть морфологизованным (выраженным специфической для данной синтаксической функции словоформой) и неморфологизованным, чисто синтаксическим (выраженным такой частью речи, для которой данная синтаксическая функция не является основной)¹.

Наречие как часть речи является морфологизованным средством выражения непроцессуального признака действия, предмета или другого непроцессуального признака². Основная синтаксическая функция наречия заключается в том, что оно определяет глагол, соединяясь с ним связью примыкания. Однако наречия способны характеризовать не только действие, но и субъект (его эмоциональное и физическое состояние, внешний облик, поведение), и ситуацию в целом³, осложняя содержание простого предложения. Эти же функции способны выполнять падежные формы некоторых абстрактных имен существительных, являясь неморфологизованным способом выражения непроцессуального признака. Занимая в высказывании синтаксическую позицию обстоятельства образа действия, они способны характеризовать субъект действия. Такие структуры описывают эмоциональное состояние или качество человека, которое сопровождает основное действие или состояние⁴.